

А. Б. Киреев, Е. В. Сапунова, А. С. Бочаров, П. С. Синюшин

«Теневой сектор» как побочный продукт участия государства в экономике

В статье рассматриваются причины и условия возникновения теневой экономики, анализируются аспекты ее существования в рамках капиталистического метода хозяйствования, взаимодействие с государственными структурами и влияние на общество. Предлагаются пути решения проблемы.

Ключевые слова: теневая экономика, корреляционный анализ, коррупция, либеральные преобразования, репрессивные меры, комплексный характер, деформация.

A. B. Kireev, E. V. Sapunova, A. S. Bocharov, P. S. Sinjushin

"A Shadow Sector" as a By-Product of the State Participation in Economy

The reasons and conditions for appearance of shadow economy are considered. Consequences of illegal activities in a market order, interaction with government and impact on society are analysed. Ways to solve the problem are offered.

Keywords: shadow economy, a correlation analysis, corruption, a liberal reform, repressive practices, complex character, deformation.

Теневой сектор экономики (ненаблюдаемая экономика) является имманентной составляющей жизни социума на любом этапе развития и в условиях любой общественно-политической формации. Отличия будут лишь в масштабах. Все сферы теневой экономики дифференцированы по степени легальности, и в рамках нашего исследования будет подразумеваться их комбинация.

Методология

Значительное влияние на размеры теневого сектора оказывает участие государства в экономике, определяемое масштабами перераспределения конечного общественного продукта в пользу государства. Размеры этого явления можно условно оценить по величине соотношения бюджета и ВВП. Данный показатель, именуемый бюджетной нагрузкой, фактически отражает процесс вытеснения из экономики рыночных структур и механизмов и подмену их государственными структурами, зачастую берущими на себя осуществление несвойственной им деятельности или, по крайней мере, увеличивающимися до невообразимых масштабов. Первоочередным следствием такого положения вещей становится разрастание коррупции, приобретающей институциональный характер. Денежные средства, полученные в результате коррупционных отношений, в дальнейшем, как правило, в значительной

степени, обращаются в теневом секторе экономики, увеличивая, таким образом, его совокупный объем.

Однако вышесказанное носит лишь предположительный характер. Чтобы подтвердить или опровергнуть взаимосвязь участия государства в экономике и размера теневого сектора, проведем корреляционный анализ.

В качестве экзогенной переменной воспользуемся уже упомянутым показателем бюджетной нагрузки. Для целей нашего исследования будет достаточно обратиться к сведениям, публикуемым Федеральной службой государственной статистики [6]. В рассмотрении будет участвовать расходная компонента консолидированного бюджета РФ как наиболее конгруэнтная денежным потокам государства, потенциально способным обращаться в нелегальном секторе. Доходная часть в данном случае не столь адекватна поставленной задаче, поскольку отражает не только те финансы государства, которые находятся под прямой угрозой незаконных действий госслужащих различных рангов, но и, в случае бюджетного профицита, денежные средства, направляемые в специализированные резервные фонды.

В качестве эндогенной переменной используем оценку теневого сектора, полученную в работе Фридриха Шнейдера "Shadow Economies all over the world" [10]. Данное исследование пре-

доставляет значительное число наблюдений в выборке, что, наравне с временной актуальностью, отличает его в положительную сторону от ряда прочих [8]. Сведения Росстата также имеют неудовлетворительный характер, поскольку учитывают лишь экономические операции, неформального характера, фактически говоря только о двух составляющих, не принимая во внимание третью – криминальный сегмент, что ограничивает масштабы теневого сектора, отражаемые в открытых источниках.

Сформулируем гипотезу, требующую проверки: между масштабами участия государства в

экономике и размером теневого сектора экономики отсутствует корреляционная связь.

Зададимся доверительной вероятностью $1-\alpha$, равной 0,95 (при $\alpha=0,05$).

В ходе корреляционного анализа определим коэффициент корреляции, проверим выдвинутую гипотезу на соответствие эмпирическим данным, проведя анализ значимости, и найдем доверительные интервалы для истинных коэффициентов корреляции. Для проведения анализа применяется система САПР Mathcad (формулы, отмеченные (*), являются встроенными функциями Mathcad).

Таблица 1

Численный анализ данных

Год	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
X, %	26.4	26.8	27.1	31.6	29.9	27.4	31.6	31.1	34.5
Y, %	45.1	46.1	47	47.8	48.8	49.5	50.1	50.8	52

Y – размер теневой экономики, по отношению к ВВП; X – величина бюджетной нагрузки (бюджет/ВВП)

Используя исходные данные, найдем эмпирический коэффициент корреляции экзогенной и эндогенной переменных:

$$r_{yx} = \text{corr}(Y, X) = 0.814 \quad (1) (*)$$

В результате получаем соответствующее значение случайной величины, распределенной по закону Стьюдента с $n-2$ степенями свободы и используемой для выявления значимости коэффициента корреляции, где $n=9$ – число наблюдений в выборке.

Для анализа значимости зададимся доверительной вероятностью $1-\alpha$, где $\alpha = 0,05$ и найдем

$100\alpha/2$ -процентную точку $\frac{W_{100\alpha}}{2}$ распределения Стьюдента с $n-2$ степенями свободы:

$$\frac{W_{100\alpha}}{2} = qt\left(1 - \frac{\alpha}{2}, n - 2\right) = 2.365 \quad (3) (*)$$

Поскольку $r_{yx} > \frac{W_{100\alpha}}{2}$, то, с вероятностью ошибки $\alpha=0,05$, гипотеза об отсутствии корреляционной связи величины Y и X отвергается как несоответствующая экспериментальным данным, а коэффициент корреляции $r_{yx} = 0.814$ признается значимым.

Найдем $\frac{u_{\alpha}}{2}$ – $\alpha/2$ квантиль стандартного гауссова распределения $N(0,1)$ (5)

$$\frac{u_{\alpha}}{2} = qnorm\left(\frac{\alpha}{2}, 0, 1\right) = -1.96 \quad (4) (*)$$

Построим доверительные интервалы для истинного коэффициента корреляции r_y , воспользовавшись следующим определением: с доверительной вероятностью $1-\alpha$ выполняется $\tanh c < r_y \leq \tanh d$ (6), где использованы обозначения (7):

$$c, d = 0.5 \ln \frac{1 + r_y}{1 - r_y} \pm \frac{u_{\alpha}}{2} \frac{1}{\sqrt{n - 3}} - \frac{r_y}{2(n - 1)}$$

В результате вычислений получаем, подставляя в (5), доверительный интервал для истинного коэффициента корреляции:

$$0.288 < r_y \leq 0.955$$

Итак, результаты корреляционного анализа подтверждают первоначальное суждение о значительном влиянии такого фактора, как участие государства в экономике, на масштабы теневого сектора. Теневая экономика растет опережающими темпами по сравнению с ВВП, этот тренд характерен не только для Российской Федерации, но и для большинства остальных, в том числе и развитых, государств. Причины кроются в том, что современная экономическая политика, по выражению профессора Хайека, представляет собой не что иное, как интервенционистский хаос [2, с. 140]. Необходимо понимать, что основная проблема – не перераспределение все большей доли конечного продукта общества в пользу государства. Это всего лишь индикатор избыточ-

ного регулирования рыночной системы, чрезмерной налоговой нагрузки на хозяйствующие субъекты, безграничного расширения полномочий контрольных и надзорных органов и, как следствие, тотальной коррупции, приобретающей институциональный характер, привносящей свой вклад, наравне с прочими факторами, в разрастание теневой сферы.

В нестесненной рыночной экономике предприниматели не могут ожидать преимуществ от подкупа чиновников и политиков. Но в тот момент, когда одним из контрагентов рынка, зачастую наиболее весомым, становится государство, деловые люди могут счесть целесообразным защищать себя от его дискриминационных действий с помощью взяток; однажды применив этот метод, они попытаются применить его еще раз, но уже с целью получения привилегий для себя [1].

Комплексный характер исследуемой проблемы предполагает, соответственно, агрегированную систему мер воздействия. Условно можно выделить две компоненты: либеральную и репрессивную. Либеральные реформы предполагают определенные преобразования, направленные на снижение давления властных структур на рыночную среду, однако мы не можем полностью устранить государство из жизни общества, а по-сему необходимы также и меры репрессивного характера. Отдельно рассмотрим первые.

Либеральные преобразования

Суть данного вопроса выражена в нескольких фразах лорда Кейнса в письме профессору Хайеку, в котором он говорит о том, какой объем государственного регулирования целесообразен, и не ставит вопрос о необходимости оно вообще [9]. Бессмысленно отрицать тот факт, что существует ряд сфер, в которых от присутствия государства невозможно отказаться, но дерегуляция рыночной системы и передача значительного числа полномочий на попечение конкурентного механизма не только возможна, но и крайне желательна. Существенной проблемой является вопрос выделения тех сегментов жизни общества, к которым рестриктивная политика применима, и определение ее масштабов.

В качестве первоочередных действий следует выборочно отметить следующие:

1. Налоговая реформа. Налоговая амнистия и тотальное обновление кадров налоговой службы позволит начать взаимоотношения налогоплательщиков и соответствующего ведомства с «чистого листа». Сокращение количества нало-

гов и их ставок приведет к расширению налогооблагаемой базы за счет более равномерного распределения налогового бремени, но только в долгосрочной перспективе. Согласно кривой Лаффера, превышение ставкой налога некоего оптимального уровня влечет за собой процесс сокрытия доходов и снижения налоговых поступлений. Попытка компенсировать выпадающие доходы бюджета путем дальнейшего повышения средней налоговой ставки вызовет повышение конкурентоспособности незаконопослушных налогоплательщиков и отток капитала в нелегальный сектор et cetera. Следовательно, определение упомянутого оптимального уровня и поиск альтернативных источников финансирования бюджетных расходов в период адаптации к новым условиям, в течение которого налогоплательщики будут по инерции скрывать свои доходы, станет главной задачей.

2. Сокращение числа бюрократических процедур и редуцирование государственного контроля. Урезание полномочий антимонопольной службы, в свете внутренних документов ФАС, фактически признающих огромные масштабы коррупции, не выглядит столь уж радикальным предложением [5]. Возможность полного упразднения пожарной инспекции обсуждалась в том числе и министром МЧС [4]. Практика показывает, что при отмене неработающих механизмов надзора и лишних бюрократических процедур коррупция идет на спад, а дополнительных негативных экстерналий при этом не возникает.

3. Реформа систем образования и здравоохранения, наряду с реализацией предыдущего пункта, повлечет снижение «низовой» коррупции как результата оппортунистического поведения хозяйствующих субъектов. Замечательным образцом преобразований в этих сферах является предложенная Милтоном Фридманом концепция ограниченного разгосударствления образования [7, с. 85–108].

4. Реформа таможенного законодательства. Либерализация таможенного законодательства подразумевает отмену импортных и экспортных квот, транспарентный принцип формирования тарифов при сокращении их общего числа, упрощенный механизм декларирования трансграничных перемещений товаров и расширение границ таможенного союза, в том числе и в одностороннем порядке.

5. Реализация мер, предложенных выше, повлечет значительное сокращение доходной составляющей государственного бюджета и, соот-

ветственно, необходимость реформы системы государственного управления, предполагающей уменьшение количества ведомств и численности чиновников.

Меры репрессивного воздействия

На чем следует акцентировать внимание в рамках экономического анализа репрессивных мер? В первую очередь это сдерживающая функция наказания правонарушителей. Коррупция стала неотъемлемой и, возможно, определяющей частью процесса разрастания теневого сектора экономики [3]. Ключевым условием ее предупреждения, с точки зрения эффективности общей превенции, является не столько тяжесть наказания, сколько его неотвратимость. Именно с этой позиции и будут сформированы последующие позитивные предложения.

Сложности системного противодействия коррупции связаны с тем, что информация о совершенном или ожидаемом факте коррупционного взаимодействия доступна чрезвычайно узкому кругу лиц. В большинстве случаев это взятодатель, взятополучатель и иногда третьи лица. Чтобы обеспечить передачу сведений правоохранительным органам, нужно реализовать механизм экономической заинтересованности в данном действии со стороны одного либо нескольких участников. Инструмент, наиболее релевантный этой задаче, ввиду своей универсальности, – осуществление денежных выплат осведомителю, пропорциональных материальному ущербу, нанесенному обществу (далее для краткости – осведомление). Нижняя граница этих выплат определяется среднестатистическим соотношением взятки либо «отката» к величине материального ущерба (условимся обозначать, как V/L – $bribe/loss$), а верхняя, предположительно, должна устанавливаться равной таковому. Именно последний вариант наиболее эффективен.

Рассмотрим три способа реализации данного механизма по числу участников акта коррупции.

1. Выплаты третьему лицу являются самым бесспорным вариантом. Дискуссии возможны лишь относительно размеров выплат и ряда технических аспектов юридического характера. В целом же, вводя материальное поощрение за осведомление о нарушении антикоррупционного законодательства, государство фактически продуцирует спрос на внештатных агентов правоохранительных структур, и предложение не замедлит появиться. Наиболее полно эффективность материального поощрения осведомителей проявится в случае прямого хищения бюджетных

средств, не предполагающего участия второй стороны коррупционного процесса.

2. Эффективность выплат взятополучателю будет определяться величиной V/L : чем она выше, в среднем по экономике, тем менее заинтересован взятополучатель в осведомлении, поскольку доход, при прочих равных, от него будет ниже, чем полученный в результате всего нескольких итераций взятки. В этом контексте определяющее значение имеет ожидаемый срок нахождения на госслужбе или предполагаемый период незаконного использования служебного положения. Если он больше временного отрезка, ориентировочно позволяющего получить доход от осведомления, превышающий доход от незаконных действий, то взятополучатель предпочтет последний. В ином случае информация о несоблюдении им негласного договора, даже при условии сохранения анонимности осведомителя, тем или иным образом распространится в среде потенциальных взятодателей, что противоречило бы его интересам.

3. Выплаты взятодателю. Разумеется, предоставление оным соответствующей информации безальтернативно означает освобождение от юридической ответственности и дает гарантии полной анонимности. В отличие от предыдущего варианта, заинтересованность в осведомлении у взятодателя будет повышаться с ростом V/L , так как издержки возрастают и «прибыль» падает (если не рассматривать в качестве издержек вероятность наступления юридической ответственности, то взятодатель получает именно прибыль, в противовес взятополучателю, для которого, при прочих равных, прибыль совпадает с доходом).

Исходя из вышеобозначенного, можно говорить о приемлемости и целесообразности принятия способа (1) как бесспорно эффективного, ввиду отсутствия у третьего лица какого-либо интереса (хотя бы сопоставимого с потенциальным доходом от осведомления) в осуществлении коррупционного акта. Однако этот вариант, несомненно, не являясь паллиативом, способен выявить лишь малую долю нарушений, и его предупредительное воздействие не столь велико, как у двух других.

Варианты (2) и (3) необходимо применять в комплексе, в силу разнонаправленной реакции на размер V/L и фактора времени для пункта (2). Общая взаимосвязь и поэтапное развитие механизма будет выглядеть следующим образом. Реализация пункта (3) в контексте несистемных взятодателей и пункта (1) увеличивает V/L . Это,

вкпе с результатами пункта (2), в контексте взяточполучателей, планирующих скорую смену деятельности, воздействует на системных взяточдателей, снижая их численность. Иначе говоря, системный характер опасности раскрытия информации о коррупционной сделке влечет инициированное взяточполучателем повышение относительной величины взятки, что смещает интересы взяточдателя в сторону легализации своей деятельности и извлечения дохода от осведомления. Необходимо помнить, что предложенный механизм концептуально находится в рамках политики общей превенции и целевой функцией имеет предупреждение, а не наказание. Тогда можно предположить, что, по прошествии определенного периода, по мере увеличения числа осведомлений и развития тотального недоверия участников коррупционной сделки друг к другу в обществе выработается стойкое убеждение о неотвратимости ответственности. Останавливающее действие этого принципа на обоих участников коррупционного договора превысит эффективность от заинтересованности взяточдателя в осведомлении и станет определяющим фактором значительного снижения коррупции. Таким образом, комплексное применение всех трех способов реализации концепции осведомления, базирующейся на принципе экономической заинтересованности, представляет собой наиболее действенную политику, которая предполагает предупреждение появления коррупции, а не преследование ее участников.

Библиографический список

1. Российская газета [Текст] : русскоязычная газета, официальный печатный орган Правительства Российской Федерации / учредитель Верховный Совет Российской Федерации. – Выпуск № 5378, 12.01.2011.
2. Мизес, Людвиг фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории [Текст] / Людвиг фон Мизес ; пер. с 3-го испр. англ. изд. А. В. Куряева. – Челябинск: Социум, 2008. – 878 с.
3. Коммерсант [Текст]: российская ежедневная общественно-политическая газета / учредитель ЗАО «Коммерсантъ. Издательский дом». – Выпуск № 3432, 07.06.2006.
4. План противодействия коррупции Федеральной антимонопольной службы на 2011–2012 гг. / ФАС РФ, URL: http://www.fas.gov.ru/about/plans/plans_23899.html, Дата обращения: 12.03.2012.
5. Финансы России / Росстат, URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/publishing/catalog/statisticCollections/doc_1138717651859, Дата обращения: 12.03.2012.
6. Хайек, Ф. Индивидуализм и экономический порядок [Текст] / Ф. Хайек ; под. ред. Р. И. Капельюшников. – М.: Изограф, 2000. – 256 с.
7. Belev, B. The informal economy in the EU accession countries : size, scope, trends and challenges to the process of EU enlargement / Boyan Belev. – Sofia: Center for the Study of Democracy, 2003. – 282 с.
8. Choi, J. P. Corruption and the Shadow Economy / J. P. Choi, M. Thum. – CESifo Working Paper Series № 633, CESifo Group Munich, 2002. – 27 с.
9. Eilat, Y. The Evolution of the Shadow Economy in Transition Countries: Consequences for Economic Growth and Donor Assistance / Yair Eilat, Clifford Zinnes. – CAER II Discussion Paper № 83, Harvard Institute for International Development, 2000. – 70 с.
10. Thomas, J. J. Informal economic activity / J. J. Thomas, Ann Arbor, University of Michigan Press, 1992. – 384 с.